

КОМЕДИЯ ЮДИФИ

Пьеса в 2-х действиях

Действующие лица:

Ю д и ф ь -- молодая еврейка из Ветилуи, Ж е н щ и н а в плаще, О н а

О л о ф е р н -- ассирийский воевода, Г о л о в а, О н

У каждого человека своя правда,
и с другими правдами она не дружит.

Древняя мудрость

Действие первое

Сцена первая

На небольшом столике посредине сцены возвышается гипсовая Голова. За столиком сидит Мужчина, грустно всматривается в Голову. В углу сцены навалена гора запыленных книг, картин, виниловых пластинок. Прислонившись к стопке книг, спит Женщина.

М у ж ч и н а (*переведя взгляд на зрителей*). Здравствуйте! Вы все-таки пришли? Впрочем, я не удивлен: занятно посмотреть комедию, в которой главному герою отсекают голову. Весьма забавно. Голову отсекают мне, ассирийскому воеводе Олоферну. Наверняка вы видели этот сюжет на картинах Боттичелли, Рембрандта, Климта и других художников. Читали сочинения Мартина Опица, Томаса Мура, Жанна Жираду, а также опусы полчища графоманов, имена которых я не хочу называть. Часто мою историю путают с историей Иоанна Крестителя. Казалось бы, как можно перепутать варвара-язычника и христианского святого? Может потому, что в обеих историях замешаны женщины? В смерти Иоанна виноваты Иродиада и Саломея. А в моей... сами знаете, кто.

Женщина, спавшая у постамента, внезапно просыпается и озирается по сторонам.

Ж е н щ и н а . Какой сегодня день?

М у ж ч и н а . 14 июля 2016 года¹. (*Уточняет*). От Рождества Христова.

Ж е н щ и н а . Ты можешь назвать нормальную дату?

М у ж ч и н а . Тебе следует привыкнуть к современному календарю, Юдифь. Сегодня 8 тамуза 5776 года от сотворения мира, если ты так хочешь это знать.

Ж е н щ и н а . Я хочу знать, сколько осталось до конца света. И сколько еще нам мучиться вместе.

М у ж ч и н а . Почему ты считаешь мое общество мукой? Мне, например,

¹ Дата изменяется в зависимости от даты показа спектакля.

приятно быть с тобой. У нас есть книги, картины, виниловые пластинки. Поставь, пожалуйста, ораторию Вивальди о моей трагической смерти, дорогая.

Ж е н щ и н а . Опять?

М у ж ч и н а . Ты же знаешь, это моя любимая пластинка.

Женщина неохотно встает, находит среди книг и виниловых пластинок нужную и включает проигрыватель. Звучит ария Странника из оратории Антонио Вивальди «Триумф Юдифи».

М у ж ч и н а (*обращаясь к зрителям*). Сначала я злился на нее за свою позорную смерть. Но за те пару тысячелетий, что мы здесь находимся, передумал. Во-первых, это она, Юдифь, сделала меня бессмертным. Кто сейчас помнит имена ассирийских полководцев, которые были до и после меня, кто помнит имена наших царей или даже имена наших богов? А имя Олоферна, предательски убитого еврейкой Юдифь, знает каждый культурный человек. (*Всматривается в лица зрителей*). Я надеюсь, здесь собрались культурные люди?

Ж е н щ и н а (*обращаясь к Мужчине*). Чем будем заниматься сегодня?

М у ж ч и н а . Почитай мне вслух один из романов.

Ж е н щ и н а . Я устала читать. Во всех собранных здесь романах один и тот же сюжет и ты знаешь его на память.

М у ж ч и н а . Или можем представить себе визит в картинную галерею. Ты развесишь картины...

Ж е н щ и н а . Нет. На всех картинах нарисованы те же самые герои...

М у ж ч и н а . Тогда будем слушать музыку.

Женщина решительно выключает проигрыватель.

М у ж ч и н а (*несмело*). Не хочешь «Триумф Юдифи» Вивальди, можно «Победу Юдифи» Скарлатти.

Женщина затыкает уши руками.

М у ж ч и н а . Что же, можем просто помолчать.

Ж е н щ и н а (*опускает руки*). Я устала молчать... Какой сегодня день?

М у ж ч и н а . Я уже тебе говорил.

Ж е н щ и н а . А сколько осталось до конца света? До Божьего суда?

М у ж ч и н а (*уныло*). Неизвестно, каким будет приговор, Юдифь. И потом, какой Бог будет нас судить: твой, мой, а, может, их? А *здесь* у нас есть книги, картины, виниловые пластинки. Есть мы.

Ж е н щ и н а . Я не могу больше ждать. Олоферн, давай еще раз попробуем.

М у ж ч и н а . Что попробуем?

Ж е н щ и н а . Найти выход. Понять: почему мы здесь, вместе?

М у ж ч и н а . Варвар-язычник и праведная иудейка... Не стоит, любимая. Мы снова запутаемся, и ты будешь плакать.

Ж е н щ и н а . Последний раз, прошу тебя. С самого начала.

М у ж ч и н а (*вздыхает*). Снова последний?.. Хорошо... Начинай.

Ж е н щ и н а . Нет, начинай ты. Честно. Скажи, почему ты, мидиец, привел ассирийское войско под стены моего города?

М у ж ч и н а (*обращаясь к зрителям*). Я забыл вае предупредить, уважаемые. Слово «комедия» на афише спектакля вовсе не означает, что вас ожидает смешное представление. Во времена Шекспира, которого я считаю образцом для подражания, комедией назывались пьесы со счастливым концом. Например: «Комедия о жертве Авраама», «Комедия о бесплодии святой Анны», «Комедия о страданиях Христа». Впрочем, и здесь меня охватывает сомнение. Авраам не принес-таки в жертву своего сына, Анна наконец забеременела, а Христос воскрес. Чем на их фоне могу похвастаться я?

Сцена вторая

О н и О н а рассказывают историю, которая произошла почти три тысячи лет тому назад. Возможно, это делают в своем воображении Г о л о в а и Ж е н щ и н а , возможно – О л о ф е р н и Ю д и ф ь , а возможно, просто два актера-рассказчика. Декорации могут быть как в шатре Олоферна. Наверно, пригодится столик, кувшин с вином, два бокала.

О н (*торжественно*). В восемнадцатый год своего господства ассирийский царь Навуходоносор объявил себя богом на земле. Он вызвал к себе

воеводу Олоферна, родом из Мидии, и приказал ему вести ассирийское войско на народы, отказавшиеся покориться и признать его божественность.

О н а . Какое нахальство! Вчера еще пьянствовал, развратничал, а сегодня он – Бог. (*Скептически*). Типичный мужчина.

О н . И взял Олоферн сто двадцать тысяч пеших воинов и двадцать тысяч конных и повел их на Сидон и Суру, Ашкелон и Газу, Моав и Самарию. И завоевав эти страны, заставил жителей отказаться от своих прежних богов и поклоняться Навуходоносору.

О н а . И только маленькая Иудея оказала ассирийской армии достойное сопротивление. Единственную горную дорогу к Иерусалиму преграждала крепость Ветилуя, и ее защитники поклялись погибнуть, но не пустить врага вглубь страны.

О н (*пожимая плечами*). Войска Олоферна в двадцать раз превышали численность гарнизона Ветилуи...

О н а . Но рядом с мужчинами на стены крепости вышли и женщины. Они готовы были бросать камни в захватчиков, лить на их головы горячую смолу, а самой отважной из женщин была вдова Юдифь, вдохновлявшая своим примером других.

О н . Только Олоферн не собирался брать Ветилую штурмом и терять под ее стенами своих лучших солдат. (*Садится за столик и наливает в бокал вино*). Не поверите, но единственный источник, из которого жители города брали воду, оказался за стенами города. Олоферн разбил лагерь и стал ждать, пока у защитников города иссякнут запасы воды и они сами сдадутся на милость победителей. (*Потягивает вино*).

О н а . Через неделю вода в городских каменных цистернах закончилась. Люди стали терять силы и просить, чтобы старейшины сдали город ассирийцам. Они говорили так: «Пусть лучше нас убьют, а наших детей заберут в плен, чем мы будем смотреть, как они умирают от жажды у нас на глазах».

О н . Логично. Правда, Олоферн не собирался проявлять милосердие.

О н а . И пришли старейшины к вдове Юдифи, которая славилась своей мудростью и праведностью. Более того, считалось, что с ней говорит сам Господь Бог. И спросили ее старейшины: «Как нам поступить?»

О н (*скептически*). Старейшины города пришли посоветоваться с какой-то вдовой? Больше не было с кем?

О н а . Но ведь с ней говорил Бог! С единственной в городе!

О н (*скептически*). А кто-нибудь слышал их разговоры?

О н а (*не обращая внимания*). «На тебя наша последняя надежда, сестра, -- сказали старейшины Юдифи. – Обратись к Богу: может, он сотворит чудо и спасет нас от беды. Иначе придется сдать город ассирийцам». И молилась Богу Юдифь, а потом ответила старейшинам: «Да, чудо случится. Не сдавайте город ассирийцам еще четыре дня, а на пятый день войска Олоферна будут разбиты. Больше ничего я вам сказать не могу». Обрадованные старейшины ушли, а Юдифь облачилась в свои лучшие одежды, надела самые красивые браслеты и серьги, натерлась ароматными маслами и, взявши с собой служанку, отправилась в ассирийский лагерь.

О н . Вырядилась как новогодняя елка. А зачем ей была служанка? Я такой не помню.

О н а . Неважно. В любом случае, служанка не виновата. Юдифь не посвящала ее в свои планы.

О н . Значит, у нее уже были *конкретные планы*? Еще до того, как она объявилась в ассирийском лагере?

О н а . Нет, сначала никаких планов у нее не было. Была только молитва, которую Юдифь повторяла всю дорогу. (*Молится*).

Господи Боже, мой повелитель,
и повелитель моих предков,
Услышь мою молитву,
Молитву слабой женщины,
и помоги сокрушить ассирийцев!
Собралась их тысяча тысяч
против горстки Твоего народа,
овладела ими гордыня
и безмерная вера в силу
железных мечей и копий.
Но твое могущество –
не в количестве мечей и копий,
а в справедливости и благодати,
Сила Твоя – в верности и отваге
твоих дочерей и сыновей,

которым ты даруешь победу:
слабых над сильными,
праведных над горделивыми!..

О н (*нетерпеливо*). Ты слышала мой вопрос, дочь Иудеи?

О н а (*очнувшись*). Что, господин?

О н . Назови свое имя и скажи, зачем ты явилась ночью в наш лагерь и потревожила сон верховного воеводы?

О н а . Я – Юдифь, дочь Мерарии, сына Окса, сына Иосифа, сына Озиила, сына Елкия, и я пришла, чтобы помочь тебе захватить Ветилую.

О н . Каким образом слабая женщина может помочь предводителю двухсоттысячного войска?

О н а . Знаешь ли ты, мой господин, что иудеи – избранный народ Бога и что Бог всегда дарует им победу над любым врагом?

О н . Я слышал такую сплетню, но не очень-то верю в нее.

О н а . Это чистая правда. Но только при одном условии – если мой народ не согрешит против Бога. К несчастью, именно так и случилось. Я – пророчица, и вчера я слышала голос, который поведал мне, что Божьему терпению пришел конец, и Он готовит погибель для Ветилуи и всей Иудеи. Бог отдаст мой народ на расправу твоей армии. В назначенный час Бог отнимет у сынов Иудеи силу, они не смогут ни поднять меч, ни бросить копье, ни натянуть тетиву лука. Ты с триумфом войдешь в Ветилую, а потом и в Иерусалим, не потеряв ни одного солдата.

О н . И тебе не жаль своих соотечественников, дочь Иудеи?

О н а . Я выполняю волю своего Бога.

О н (*разглядывает Юдифь и невольно начинает любоваться ей*). И вдруг Олоферн понял, что ему очень нравится эта женщина и что, если бы они встретились в других обстоятельствах... (*Решительно обрывает свою мысль*). Хорошо... Юдифь, я поверю тебе. Тебе выделяют отдельный шатер, дадут лучшую еду и вино, ни один солдат не посмеет прикоснуться к тебе. Только... Пока твой Бог не подаст знак, ты будешь каждый день приходить ко мне в шатер и развлекать меня. Видишь ли, во время осады в лагере царит страшная скука. Ты умеешь танцевать, Юдифь?

О н а . Нет, но я умею петь и рассказывать истории.

О н . Что же, будешь петь и рассказывать.

О н а . И вдруг Юдифь поняла, что не так уж страшен сирийский воевода

Олоферн, а наоборот, на удивление красив и благороден, и если бы они не были врагами, она могла бы... *(Решительно обрывает свою мысль)*. Три дня приходила Юдифь в шатер Олоферна, и пела для него, и рассказывала разные истории.

О н . И были приятны ему эти встречи, и совсем не беспокоило воеводу, что иудейский Бог все никак не подавал знак, чтобы идти на штурм Ветилуи.

О н а . А на четвертый день, идя в шатер Олоферна, Юдифь поняла, что все-таки влюбилась как последняя дура! Ее переполняли отчаянье и стыд. Там, в Ветилуи, погибали от жажды ее братья и сестры. Если ей не хватит отваги, старейшины сдадут город ассирийцам. Начнется резня, насилие, а потом ассирийское войско хлынет на Иерусалим.

О н *(подходит к ней)*. Я рад снова видеть тебя, Юдифь. Кто бы мог подумать, что эти три дня окажутся такими счастливыми? А могут стать еще счастливее... Сегодня я приказал устроить пир для всего войска. В твою честь, Юдифь. *(Хочет обнять ее)*. Как ты прекрасна!

О н а *(освобождается из объятий)*. Неужто у тебя было мало красивых любовниц, Олоферн? Медиек, ассириек, египтянок?

О н . Много, но их красота, как богатые наряды, что с удовольствием одеваешь лишь однажды, а потом прячешь в сундук, чтобы забыть о них навсегда. Ты – другая, Юдифь. Когда ты впервые вошла в мой шатер, словно молния пронзила небо, в воздухе повеяло грозой. Ты манишь меня и одновременно отталкиваешь. В тебе сокрыта какая-то тайна, какая-то опасность...

О н а . А опасность вдохновляет тебя. Ты играешь со мной, как кошка с мышкой.

О н . Ты пела для меня песни, рассказывала о своем детстве и недолгом замужестве, о своих виноградниках и оливковом саде, который ты так любишь. И моя душа потянулась к твоей душе...

О н а . А ты рассказывал мне о своей настоящей родине, о том, как ты стал заложником при ассирийском дворе, об интригах, переворотах, о военных походах и победах, принесших тебе славу... И мое тело потянулось к твоему телу...

О н . Юдифь, мы подошли с тобой к черте, за которой нас ждет нечто великое. Но почему-то мы боимся переступить ее. Я не могу принуждать тебя. Но, поверь, наша встреча была неизбежна, как смерть, это подарок богов, фатум. *(Наливает вино в бокалы)*. После того, как я выполню приказ Навуходоносора, я заберу тебя в Нинею, где мы будем жить счастливо в роскошном дворце.

О н а . Нет, Олоферн. Я не могу быть счастливой без своих виноградников и оливковых деревьев, без маленькой Ветилуи и святого Иерусалима. Если не станет их, не станет и меня.

О н . Если ты попросишь , я не буду разрушать Ветилую и Иерусалим и дарюю жизнь твоим соплеменникам.

О н а (*поразившись*). Разве это возможно?

О н (*пожимает плечами*). Почему нет? (*Шутливо*). Может, твой Бог передумал наказывать свой народ и поэтому не отзывается уже который день?

О н а . Но если мой Бог проявит милосердие, проявит ли его Навуходоносор? (*Обеспокоенно*). Что будет с тобой, если ты повернешь войско и явишься к царю, не завоевав Иудеи?

О н . С чего ты взяла, что я поверну войско? Я поступлю с Иудеей так, как поступил с Моавом: войду в Ветилую и Иерусалим, но не буду разрушать города и вырезать жителей. Просто оставлю там свои гарнизоны и заставлю жителей поклоняться Навуходоносору как Богу. Царь будет доволен.

О н а (*в отчаянии*). Но это невозможно!

О н (*не слушая*). Правда, будут недовольны мои солдаты, которым после долгой осады хочется выпустить пар и поживиться добычей. Что ж, я отдам им свою долю с городов, завоеванных ранее.

О н а . Ты ничего не понимаешь, Олоферн! Ни я, ни мой народ никогда не откажемся от своего Бога и не признаем богом Навуходоносора!

О н . Но почему? Вы сохраните жизнь, сохраните свои города, свою страну! Навуходоносоры приходят и уходят, даже Ассирийская империя не вечна. Думаешь, мне приятно называть Навуходоносора богом? Воспринимайте это как временный маневр!

О н а . Нельзя маневрировать тысячи лет. Если бы мой народ хотя бы раз отказался от своего Бога, то давно бы уже исчез, растворился как ручей в пустыне.

О н . Твой Бог самолюбив и жесток, Юдифь! Разве добрый Бог позволил бы уничтожить свой народ, разве приказал бы слабой женщине идти в лагерь врагов?

О н а . Давай не будем спорить о богах, а то еще поссоримся... Лучше налей нам вина.

О н (*опомнившись*). И то правда. (*Наливает вино в бокалы*).

О н а . Ты сказал, что мы подошли к той черте, за которой нас ждет нечто великое. Мы будем пить вино, я буду петь для тебя, и, возможно, наконец,

отважусь.

О н . Пусть будет так!

Они поднимают бокалы и выпивают вино.

О н а (*тихо поет*). На ложе моем ночью искала я того,

которого любит душа моя,

искала его и не нашла его.

Встану же я, пойду по городу,

по улицам и площадям,

и буду искать того,

которого любит душа моя;

искала я его и не нашла его.

Встретили меня стражи,

обходящие город:

«Не видали ли вы того,

которого любит душа моя?»

Но едва я отошла от них,

как нашла того,

которого любит душа моя,

ухватилась за него,

и не отпустила его,

доколе не привела его

в дом матери моей

и во внутренние комнаты

родительницы моей.

Действие второе

Сцена третья

На сцене друг напротив друга стоят в угрожающих позах М у ж ч и н а и Ж е н щ и н а в угрожающих позах. Волосы на голове у Мужчины всклокочены,

глаза бешено горят.

На заднем плане возвышается гора пыльных книг, картин, виниловых пластинок, которая стала еще больше.

М у ж ч и н а . Сука! Убить спящего человека, отсечь ему голову, как барану!

Ж е н щ и н а . Кобель! Ты пялился на меня с первой встречи, у тебя одно было на уме, как бы меня трахнуть!

М у ж ч и н а . Ты все время врала мне! Ни одного слова правды не услышал я из твоих уст!

Ж е н щ и н а . А ты угрожал мне, говорил, что вырежешь весь мой народ!

М у ж ч и н а . Он этого заслуживает, твой народ, если породил такую ехидну, как ты! Прав был Гитлер, утверждая, что характер Юдифи воплощает худшие черты еврейской нации!

Ж е н щ и н а . Чертов антисемит!

М у ж ч и н а . Сионистка доморощенная! Кто хвастался, что посвящает свой подвиг величию Иудеи?

Ж е н щ и н а . А ты – дегенерат! Ты предал свой народ, и, как шакал, побежал лизать лапы ассирийскому тигру!

М у ж ч и н а . Да, но у меня была голова на плечах, я не пытался задержать локомотив истории, а вскочил в него на ходу и поехал в нужном направлении.

Ж е н щ и н а . Из-за таких конформистов, как ты, вся история покатила по ошибочному пути и, того гляди, свалится под откос! Ты забыл о резне, которую учинила твоя армия в Сидоне и Суре, в Ашкелоне и Газе?

М у ж ч и н а . Нет, история свалится под откос из-за таких, как ты! Ты была первой террористкой в мире, и все революционеры, фашисты, исламисты – твои благодарные последователи. Твое имя начертано на их знаменах!

Ж е н щ и н а . Неправда! Я не взрывала невинных детей и женщин, я убила вооруженного врага, чтобы женщин и детей спасти от смерти.

М у ж ч и н а (возмущенно). Вооруженного? Которого ты затащила в постель и напоила вином до беспамятства?

Ж е н щ и н а . А что мне было делать: вызывать тебя на поединок? Я использовала то оружие, которое имела, и совершила то, что приказал мне Бог!

М у ж ч и н а . А ты уверена, что это был Бог? Может, это был дьявол? А,

может, вообще не было никакого Голоса Свыше, а только твой бред и болезненные амбиции?

Ж е н щ и н а внезапно замирает, а потом бессильно опускается на пол.

М у ж ч и н а (*презрительно*). Бог призвал ее спасти Отечество! То же мне, Жанна Д'арк нашлась!

Ж е н щ и н а не отвечает.

М у ж ч и н а (*не может успокоиться*). Что ты молчишь? Может, тебя вовсе не было на свете, и Мартин Лютер правильно назвал историю Юдифь поэтической выдумкой?

Ж е н щ и н а плачет.

М у ж ч и н а . Ну вот, опять слезы. Зачем было вспоминать все сначала? Я же знал, чем это закончится.

Ж е н щ и н а (*поднимает глаза*). Да, не было никакого Голоса. Я соврала.

М у ж ч и н а (*не понимает*). Ты о чем?

Ж е н щ и н а (*сквозь слёзы*). Они пришли и сказали: «На тебя наша последняя надежда. Обратись к Богу, может случится чудо, и он спасет нас от беды?». А Бог молчал... Он давно уже не говорил со мной. А они все ждали. Умирали от жажды и голода. И я не выдержала. Сказала, что слышала Голос и что чудо случится, Бог спасет Иудею. И совершила то, что совершила.

М у ж ч и н а . Вот это сюрприз...

Ж е н щ и н а . Может, поэтому мы *здесь*. Вместе. Прости.

М у ж ч и н а (*примирительно*). Я уже говорил, что больше не обижаюсь. Мне нравится твое общество. У нас есть книги, картины, виниловые пластинки...

Ж е н щ и н а (*виновато*). Хочешь, я прочитаю тебе вслух?

М у ж ч и н а . Давай. Может, появилось что-то новое о нас?

Ж е н щ и н а выбирает из груды книг небольшую книжку в цветной обложке, открывает наугад и зачитывает отрывок.

Ж е н щ и н а . Нодар Джин. «Пять повестей о суете»: «За этим она к нему и метнулась: крутить ему яйца во имя родного Петхаина. Крутила ночь, две, а когда генерал приустал, чик – и снесла Олохрену кочан. Это ведь тоже радость: свалить в корзинку кочан! Прибежала с корзинкой в свой Петхаин и потребовала прописки прямо в Библии: я, мол, послужила родному народу! Но ведь никто ж не подглядывал, как послужила-то! И никто не знает – почему послужила-то!»

М у ж ч и н а . Хватит! Замолчи!

Длинная пауза.

Ж е н щ и н а (*нерешительно*). Может, почитаем классику? Ахматову? Гумилева? Цветаеву?

М у ж ч и н а . Классику и так все знают наизусть. Даже изучают в школе. (*Обращаясь к зрителям*). Знаете, кто это написал:

Должно быть, так толпа сгрудилась,
Когда, мучительно жива,
Не допив кубка, покатилась
К ногам тупая голова.

Неизъяснимо лицемерно
Не так ли кончиком ноги
Над теплым трупом Олоферна
Юдифь глумилась...

Глумилась! Это о ней... (*Женщине*). Поставь лучше музыку, дорогая. Ораторию Вивальди «Триумф Юдифи».

Ж е н щ и н а (*усмехается*). Опять?

М у ж ч и н а (*удовлетворенно*). Ты же знаешь, это моя любимая пластинка.

Женщина находит нужную пластинку и включает проигрыватель. Звучит ария Странника из оратории Антонио Вивальди «Триумф Юдифи».

Сцена четвертая

На сцене остается только О н а и рассказывает окончание истории Юдифи.

О н а . Когда утром пятого дня вернулась Юдифь в Ветилуя, сбежались все жители города, уже не надеявшиеся увидеть ее живой. Юдифь достала из сумки голову Олоферна и сказала: «Моей слабой рукой его убил всемогущий Бог». И насадили они голову Олоферна на копье, и ринулись на лагерь ассирийцев. Увидев голову своего убитого воеводы, ассирийцы в испуге бросились бежать, а иудеи преследовали их и убивали на всех дорогах и тропах. И погибло в тот день восемьдесят тысяч ассирийцев, а сыны Иудеи, захватив богатую добычу, праздновали победу. Все, конец истории. *(Хочет покинуть сцену)*.

На сцену выходит О н .

О н . Подожди, не уходи. Ты должна рассказать о том, как Юдифь жила потом и как она умерла.

О н а . Зачем?

О н . Таковы правила.

О н а . Жила себе в покое и одиночестве. Никого не трогала, никого больше не убивала. Не захотела выйти замуж, хоть ей и предлагали.

О н . И о письме священника Иоакима не расскажешь?

О н а . Не хочу.

О н . Тогда расскажу я. Это весьма поучительная история. Однажды к Юдифи пришли старейшины города и сказали: «Будь благославенна, сестра, избранница Бога и гордость нашего народа! Мы написали письмо верховному священнику Иоакиму в Иерусалим с просьбой признать тебя святой праведницей и включить историю о твоём подвиге в каноническую книгу Тамах».

О н а . Зачем они писали? Кто их просил?

О н . В знак благодарности жителей Ветилуи. Для города – великая честь иметь среди своих уроженцев святого праведника. Особенно для такого маленького города как Ветилуя. Старейшинам казалось, что ты несомненно заслуживаешь это звание. И вот, наконец, пришел ответ из Иерусалима. Специальная комиссия ученых мужей рассмотрела твоё дело и пришла к выводу, что ты не достойна звания святой праведницы. *(Заглядывает в письмо Иоакима)*. Во-первых, ты соврала ассирицам насчет своих намерений и планов Бога. Во-

вторых, ты соблазняла Олоферна своим видом и сладкими речами. В-третьих, ты оставалась с ним наедине, и никто не знает, что произошло между вами в шатре. В-четвертых, ты все-таки убила спящего человека... И так далее, и так далее. Что до истории о твоём подвиге, ее не включили в святую книгу Тамах, но позволили иудеям читать ее как апокриф.

О н а . Прошу вас, оставьте меня, я хочу только тишины и покоя!

О н . И они оставили тебя навсегда, правда? Жители города были благодарны тебе за спасение, но больше не приходили за советом или с просьбой передать их прошения Богу. Ты тоже редко выходила из дома и затворницей прожила 105 лет. Долгая жизнь – это награда или наказание?

О н а . Прошу, не мучай меня!

О н . Я только хотел тебе сказать. Хотел, чтобы ты знала... Накануне той последней ночи к Олоферну пришел его советник и потребовал, чтобы тебя казнили как лазутчицу. Ассирийские шпионы донесли, что вся Ветилуя ждет обещанное Юдифью чудо. Стоило ли рисковать? Но Олоферн не согласился и выгнал советчика прочь. Потому что он всецело доверился тебе, Юдифь. И искренне полюбил тебя...

О н а (*тихо*). Я знаю.

О н пожимает плечами и уходит. О н а долго стоит неподвижно и вглядывается куда-то вдаль. Постепенно перед ее глазами возникает видение: то ли это воспоминание о прошлом, то ли мечта о несбывшемся. О н а видит себя в шатре О л о ф е р н а , с единственным мужчиной, которого любила за всю свою жизнь. Счастливая Ю д и ф ь сидит на кровати, радостный О л о ф е р н лежит, положив голову ей на колени.

О л о ф е р н . Вот я и встретил тебя, избранница моя.

Ю д и ф ь . И я встретила тебя, избранник мой.

О л о ф е р н . И моя душа потянулась к твоей душе

Ю д и ф ь . А мое тело потянулось к твоему телу.

О л о ф е р н . Наша встреча была неизбежна, как смерть...

Ю д и ф ь . Наша любовь будет долгой, как жизнь...²

² А, может, никакого видения не было, а просто О н а услышала песню, доносящуюся

З а н а в е с

неведомо откуда:

На ложе моем ночью искала я того,
которого любит душа моя,
искала его и не нашла его.
Встану же я, пойду по городу,
по улицам и площадям,
и буду искать того,
которого любит душа моя;
искала я его и не нашла его.